Since When Were You The Villain? / С каких это пор ты стал злодеем?

Глава. ч 22.

Просто оставьте тело как есть и примите ситуацию, как плавающую стеклянную бутылку.

Он взял Софию и пошевелился.

Никто в Доме Фрау не мог остановить Киллиана.

Он шел по пути, по которому пришел.

Он наступил на газон, который более бережно охранялся, чем София, и прошел через изогнутые и сломанные ворота.

Нокс, черный конь, на котором он ехал, тихо ждал.

Киллиан продолжал держать Софию в одной из своих рук, как будто обнимал легкого ребёнка.

Его жених был слишком легким. Мешки с песком, которые военные и полицейские используют для тренировок, казались тяжелее этого.

Он схватил поводья Нокса оставшейся рукой и запрыгнул на седло.

И он посадил Софию, склонившуюся перед ним.

София посмотрела на него без удивления, злости и слез.

"Зачем... ты вытащил меня?"

Это был расплывчатый вопрос, как будто он не был продуман.

Не похоже, что ее интересовали его ответы.

Так что он грубо промаслил.

"Просто потому что."

Как и ожидалось, София не обратила внимания на его ответ.

Без дальнейших вопросов, она склонилась на него своим обвисшим телом.

Он чувствовал температуру тела.

Хорошо, что лихорадка не поднялась.

"Мы поедем в Ривелон."

Не имея возможности сказать ей, чтобы она держала его крепко, он обнял ее и обнял.

И он ехал на лошади медленно, как будто слишком быстрое движение наложило бы напряжение на ее больное тело.

"Мастер! Вы уже возвращаетесь?"

Еще даже не было полудня.

Гарфилд, дворецкий Ривелона, бросился навстречу своему хозяину.

"Даже больше, чем это..."

"Приготовьте комнату для гостей."

"О, да!"

Увидев женщину в объятиях Киллиана, слуги посмотрели друг на друга с удлиненными глазами.

Господь когда-нибудь приводил женщину в дом?

Если только она не посещала его по назначению, он никогда не видел в этом доме женщины.

Знал он или нет любопытство людей, служивших в Ривелоне, Киллиан положил Софию на кровать в гостевой комнате без каких-либо объяснений.

Он велел служанкам вымыть ее тело, которое было перенесено на пол, и переодеться в новую одежду.

Поскольку он жил один, у него не было одежды для нее, поэтому она должна была носить самое чистое и лучшее платье среди одежды, которую носили горничные.

София тихо сотрудничала, не жаловавшись ему.

Пока горничные присматривали за Софией, Киллиан говорил с Гарфилдом.

"София Фрау останется здесь?"

"Да, кстати, мне нужно, чтобы ты съездил в особняк Фраусс ненадолго."

"Что?"

"Я хочу, чтобы ты принесла багаж Софии. А потом иди в гримерку Андрея и попроси принести готовые платья сюда, а не Фрау."

"Тогда она останется здесь? И... выйдет замуж?"

"Ты зашел слишком далеко, Гарфилд."

Они были помолвлены, но он никогда не думал жениться сразу.

Он не знал, что случится, если он оставит её в её доме, поэтому он привел её во временное убежище.

"В доме нет предметов для женщин, так что проверьте, что ей нужно, и купите их сегодня. Скажите доктору Леопольду, что он может посетить и здесь."

"Да, господин."

"О, и."

Киллиан, который, казалось, закончил свое дело, снова схватил Гарфилда, когда тот обернулся.

"Возьми вот это."

Киллиан взял тяжелую сумку из ящика и передал её Гарфилду.

Когда он открыл его, внутри было значительное количество золотых монет.

"Почему же это так..."

Деньги на покупку вещей для Софии можно было взять под контроль Гарфилда. Кроме того, сейчас ему не нужно было столько денег.

"... Отдай его Фрау. Прости, что я сломал ворота."

"Что?! Ты сломал ворота? Что происходит?!"

Гарфилд открыл рот в изумлении.

Затем Киллиан отвел взгляд.

"Ну, вот и все..."

Когда Софию ударили по лицу и Рубиселлу, из его сознания выскочила кровь, и он пнул палку.

'Я не знал, что ворота графа могут так легко сломаться...'

Он действительно пытался войти, потому что хотел заблокировать её, но не ожидал, что ворота полностью рухнут.

'Я бы хотел, чтобы граф все уладил сам.'

Он не хотел заглаживать свою вину, потому что у него не было к ним хороших чувств. Но в любом случае, граф Фрау тоже была семьей Софии, и это была его вина, что он сломал ворота.

"Ну, вот что случилось... это не объясняет золотые монеты, милорд."

По интуиции Гарфилда, не было ничего необычного в том, что владелец не сказал ему причину.

"... Ты узнаешь, когда уйдешь."

Киллиан не говорил ему, что случилось до самого конца.

По какой-то причине, кажется, что пойти к Фрау было нелегко.

"Тогда иди."

"Да..."

Гарфилд ушел со смущенным выражением лица.

Как раз вовремя горничная, присматривающая за Софией, заняла место Гарфилда.

"Леди была умыта, и ее раны были обработаны просто."

Выслушав краткий отчет, Киллиан направился в комнату для гостей.

Дверь была открыта для горничных, но он все равно постучал.

София, которая сидела далеко, посмотрела на него.

"Ты в порядке?"

На вопрос София слегка кивнула головой.

Киллиан не знал, что сказать после этого.

Ей было жаль, жалко, она была больна, и она даже не смогла вылить миску проклятий на графиню.

Что он может сказать при ней?

"Кажется, ты еще не завтракал..."

В конце концов, он повернулся, чтобы поговорить о еде.

Он сказал горничным приготовить горячую пищу для Софии.

Меню для того, кто плохо себя чувствует.

К счастью, не потребовалось много времени, чтобы собрать достаточно рук на кухне, поэтому

горничная принесла еду.

Это был теплый луковый суп, ромашковый чай с лимоном и суфле-торт с медовыми вишнями.

Горничные положили еду на маленький столик, чтобы София ела в постели.

Когда горничная взяла ложку, чтобы покормить ее, София сказала, что она в порядке и взяла ложку сама.

Служанки оглянулись и тихо вышли из комнаты, когда Киллиан заметил.

К счастью, София не отказалась от еды.

Однако ей потребовалось некоторое время, чтобы съесть ложку супа из-за ее опухших щек и миндалин, которые стали густыми и опухшими.

Киллиан смотрел, стоя у двери далеко от нее, чтобы не беспокоить ее.

София, которая выпила несколько глотков лукового супа, остановилась.

Плавающая в воздухе ложка дрожала.

Есть ли какие-то проблемы?

Слезы хлынули из углов глаз Софии, когда он собирался спросить ее, потому что он волновался.

"Фу..."

Слезы текли по ее щекам, красные и опухшие, вместе с рыданиями, которые в конце концов лопнули. Читать только в послеобеденное время.

Она положила ложку, которую держала, и похоронила лицо в руках.

"София."

Киллиан подошел к ней и протянул руку. Но он даже не смог дотянуться до нее.

Он не знал, как её утешить.

Он колебался даже похлопать ее по спине, потому что она выглядела слишком хрупкой, чтобы прикасаться к ней.

Даже то, что он имел в виду не то, что он имел в виду.

Он прикусил себе рот, только чтобы успокоить чувство, которое колотилось у него в груди.

София плакала и пыталась остановиться, а затем повторила.

"София..."

Когда Киллиан снова позвал ее, она, которая плакала, подняла голову и снова проглотила дыхание.

"Если подумать, я так зол... поэтому..."

Ее слезливое лицо отдохнуло, и ее голос треснул.

"Я даже не могу нормально питаться, потому что я болен...! Я очень люблю вкусную еду...!"

София рассердилась и посмотрела на стол перед собой.

Довольно карамельный луковый суп, сладкие и богатые вишневые медовые огурчики и мягкий и пухлый суфле, ароматный чай с одной белой ромашкой, плавающей на нем.

Но каждый раз, когда она глотала суп, она даже не могла его попробовать. Он ужалил ей в рот от удара по щеке, и ее горло было тяжелым и горьким. Запах ромашкового чая было трудно насладиться из-за душного носа.

Кроме того, она не могла по-настоящему насладиться этим милым тортом-суфле.

Осознание того, что она не может наслаждаться вкусной едой, даже когда она перед ней, взорвало печаль, которую она накопила за эти годы.

'Как важна еда в нашей стране...!'

Но сейчас на вкус как лекарство...

На этом простом, но искреннем столе было достаточно, чтобы ее сердце трепетало.

Киллиан посмотрел на Софию, которая схватила стол и рассердилась от слез в глазах.

И он почувствовал облегчение.

Кажется, она восстановила силы, чтобы злиться.

Он думал, что она в депрессии.

От этого облегчения его губы стали улыбаться.

"И... моя голова болит сильнее, когда я плачу."

София нюхала и вытирала уголки глаз тыльной стороной руки.

Как только она получила пощечину от Рубиселлы, она была ошеломлена и сошла с ума. В то же время ее тело потеряло силу и у нее не было сил сопротивляться.

Она убежала вот так, когда ее просто ошарашили как идиотку.

Она даже не может посыпать свою силу героиней.

Чем больше она жевала, тем больше плакала.

Но она должна была признать это. Тело Софии Фраусс было слабым и беспомощным, как кусок

бумаги.

'Когда я становлюсь сильным... ко мне никогда так не относятся.'

После своего решительного решения она снова подняла ложку.

Ешьте, даже если это больно. Ешьте, даже если она не чувствует вкус. Ешьте даже с болью в горле!

Люди живут на еду!

Она ничего не могла сделать с этим слабым телом!

http://tl.rulate.ru/book/69787/2473425